

Глава 2. Выход замуж вместо старшей сестры

После ночного снегопада тихий и прежде уютный Бамбуковый двор стал выглядеть ещё более пустынным и унылым под белым покрывалом.

Возможно, из-за ночного ветра у Сун Тинчжу тяжело гудела голова, и даже к середине утра он так и не пришёл в себя. Бабушка Лю коснулась его лба и в ужасе отдернула руку — он пылал жаром.

— Хэ гэр, быстро иди в Восточный двор, возьми денег и позови врача!

— Хорошо!

Цин Хэ сунул платок в руки Хунмэй и в одно мгновение исчез.

Они тревожно ждали полчаса, но Цин Хэ всё не возвращался, и обе, находившиеся в комнате, начали беспокоиться.

— Бабушка, вы оставайтесь с молодым господином, а я выйду посмотреть, — сказала Хунмэй.

Едва она вышла за дверь, как увидела Цин Хэ, поспешно ведущего врача в сад, и сразу бросилась им навстречу.

— Хэ гэр, что у тебя с лицом? — Хунмэй с гневом уставилась на него. — Тебя избили в Восточном дворе?

Левая щека Цин Хэ распухла, в уголке губ виднелись следы крови.

Он равнодушно отвел взгляд:

— Ничего. Как второй молодой господин?

Глаза Хунмэй покраснели:

— Он ещё не пришёл в себя. Доктор, прошу, скорее посмотрите нашего господина.

Старый лекарь, тяжело дыша, поспешил внутрь. Но на кону была человеческая жизнь, и отдыхать он не мог. Осмотрев больного, он погладил бороду и покачал головой:

— Болезнь вашего господина врождённая, с рождения. Я не могу её вылечить — могу лишь временно облегчить состояние с помощью иглокалывания.

За многие годы они обращались к бесчисленным врачам, и ответ всегда был один и тот же. Но каждый раз эти слова всё равно приносили боль и разочарование.

Бабушка Лю вытерла глаза и велела Цин Хэ вежливо проводить врача из Бамбукового двора.

Полчаса спустя Сун Тинчжу медленно открыл глаза. Он посмотрел на следы от игл на своей руке — слабый и обессиленный.

— Бабушка, не печальтесь. Все люди рано или поздно умирают. Я скучаю по матери... Интересно, как она там?

— Не говори глупостей. Хэ гэр пригласил странствующего лекаря, он сказал, что твою болезнь

можно вылечить. Но тебе нужно беречь себя. Если сам не будешь дорожить своим телом, сколько ни беспокойся за тебя — всё бесполезно.

Глаза бабушки Лю покраснели, но она говорила успокаивающим тоном, протягивая ему лекарство.

Хунмэй стояла рядом с Цин Хэ, вытирая слёзы.

Под присмотром бабушки Лю Сун Тинчжу послушно выпил лекарство. Подняв глаза, он заметил распухшую щёку Цин Хэ и слегка нахмурился:

— Это Сун Жуй-эр сделала?

Цин Хэ замер, но прежде чем он успел ответить, Хунмэй поспешно сказала:

— А кто же ещё? Госпоже до нас, слуг, дела нет.

— Где она? Что за беспорядок в этом Бамбуковом дворе — даже никто не вышел встретить старшую госпожу!

Снаружи раздался надменный и властный голос служанки.

У Цин Хэ сжалось сердце. Старшая госпожа не любила второго молодого господина и редко появлялась в Бамбуковом дворе. А если приходила — то лишь для насмешек и издёвок. И сегодня, очевидно, не станет исключением.

Он взглянул на бледного юношу, опирающегося на изголовье:

— Я выйду и попрошу её уйти.

Но Сун Тинчжу сказал:

— Не нужно. Пусть войдёт. У меня как раз есть, что сказать Сун Жуй-эр.

Через несколько мгновений Сун Жуй-эр вошла в комнату, прикрывая рот и нос платком, словно внутри было что-то грязное, и с выражением явного отвращения.

— Слышала, второй брат заболел, вот и пришла посмотреть.

Она огляделась и, убедившись, что Сун Тинчжу действительно выгладит при смерти, слегка усмехнулась за платком. Затем, притворно вытирая глаза, изобраила заботу:

— Как же второй брат так разболелся? У тебя такой плохой цвет лица — я тебя едва узнала.

Хотя она так говорила, внешность Сун Тинчжу почти не изменилась — даже в болезни в нём всё ещё угадывались прежние утончённые и красивые черты. Она лишь воспользовалась случаем, чтобы унижить его.

Сун Жуй-эр с детства была красавицей, любимицей родителей и предметом постоянных похвал окружающих. Но с тех пор как отец взял наложницу и у неё появился младший брат, это внимание досталось уже другому.

Когда Сун Тинчжу был маленьким, его болезнь ещё не была такой тяжёлой. С круглыми глазами и пухлыми щёчками он выглядел очаровательно, был сообразительным и никогда не

доставлял хлопот. После празднования его первого дня рождения весь Сюньян знал, что второй молодой господин семьи Сун необычайно умен — даже превосходит старшую госпожу.

К тому же наложница Лю была молода и красива, и Сун Синъань её обожал, а вместе с ней — и своего незаконнорождённого второго сына.

Госпожа Сун лишилась расположения мужа, и Сун Жуй-эр не раз слышала, как слуги перешёптываются об этом за её спиной — с тех пор она затаила обиду.

Однако хорошие времена длились недолго. Через несколько лет наложница Лю умерла от болезни, а Сун Тинчжу отправили в Бамбуковый двор на лечение, практически не позволяя выходить. Со временем жители Сюньян постепенно забыли о нём, и при упоминании семьи Сун вспоминали лишь воспитанную и прекрасную старшую госпожу. А если кто и помнил о втором молодом господине, то только как о болезненном человеке.

Возвращаясь к настоящему.

Сун Тинчжу не обращал внимания на отношение Сун Жуй-эр. Его лицо оставалось спокойным, и он, не гтая лишних слов, прямо попросил у неё купчие на Цин Хэ и Хунмэй.

— Зачем тебе их купчие?

Сун Жуй-эр посмотрела на второго брата, чьи черты так напоминали наложницу Лю, и в душе у неё поднялось отвращение.

С усмешкой она язвительно сказала:

— Второй брат так щедр — ещё не женился, а уже думает взять наложницу своему мужу.

Вспомнив, что её «добрый» второй брат ещё не знает о подмене невесты, она прикрыла рот и злорадно продолжила:

— Кстати, второй брат, возможно, не знает — семья устроила тебе прекрасный брак. Ты ведь не любишь шум, а семья Лю живёт вдали от суеты, там красивые горы, чистые реки и простые нравы. Второму брату там наверняка понравится.

В горле у Сун Тинчжу защекотало, и он тихо закашлялся, прикрыв рот рукой.

Сун Жуй-эр, и без того стоявшая поодаль, с отвращением отступила ещё на несколько шагов.

Сун Тинчжу посмотрел на неё — лицо его стало ещё бледнее прежнего.

— Но я слышал, что этот «прекрасный» брак изначально предназначался тебе, старшая сестра.

Сердце Сун Жуй-эр дрогнуло.

Он знает! Значит, это те две негодные служки, Цин Хэ и Хунмэй, рассказали ему. Ну и что с того? Мать надёжно охраняет Бамбуковый двор, а Сун Тинчжу — больной, ему всё равно не сбежать.

— Разве второй брат не считает, что тебе этот брак подходит больше, чем мне?

Раз уж так, притворяться больше не было смысла. На её лице открыто отразилась злорада.

— Один — нелюбимый, смертельно больной незаконнорождённый ребёнок, другой — деревенщина, мечтающая выскочить в хорошую семью. Разве это не идеальная пара?

— Как сказала старшая сестра, я тяжело болен. Если я умру до свадьбы, она естественным образом снова станет твоей, старшая сестра.

— Ты мне угрожаешь! — Сун Жуй-эр крепко сжала платок.

Сун Тинчжу остался невозмутим и спокойно встретил её взгляд:

— Если старшая сестра так считает — пусть будет так.

Услышав это признание, Сун Жуй-эр побагровела от злости.

— Хорошо! Очень хорошо!

Посмотрим, как ты будешь заноситься, когда попадёшь в эту семью Лю, у которой даже на еду не хватает!

Она злобно посмотрела на лежащего на кровати и, взмахнув рукавами, в ярости покинула Бамбуковый двор.

Цин Хэ закрыл дверь, его голос был хриплым:

— Молодой господин, вам не нужно так поступать ради нас.

Старшая госпожа всегда была злопамятной, а теперь, когда второй молодой господин вот-вот женится, если её сейчас задеть, она может наговорить на него госпоже, доставив ему ещё больше бед.

Хунмэй тоже переживала, нервно теребя пальцы.

Сун Тинчжу несколько раз кашлянул, выпил чай, который подала бабушка Лю, и, немного придя в себя, устало сказал:

— Госпожа оставила вас в Бамбуковом дворе следить за мной. За эти годы она не могла не заметить, как вы с Хунмэй ко мне относились. Если я уйду, она обязательно найдёт способ доставить вам неприятности.

Бабушка Лю добавила:

— Покинуть семью Сун — может быть и к лучшему. Ты давно не была в родных местах. Вернёшься, найдёшь хорошего мужа, заживёшь спокойно.

Услышав это, глаза Хунмэй сразу покраснели:

— Хунмэй не хочет выходить замуж. Хунмэй хочет и дальше служить второму молодому господину.

— Глупое дитя, — мягко сказала бабушка Лю. — Как это — девушке и не выходить замуж? Люди засмеют.

Снаружи на холоде уже собирались распуститься цветы зимней сливы. Сун Тинчжу держал в руках грелку и смотрел на ветви.

Что хорошего в браке? Если бы мать тогда не вышла замуж за семью Сун, она не умерла бы от тоски.

— Кхе... кхе... кхе-кхе-кхе...

— Второй молодой господин!

— Почему окно открыто? Цин Хэ, закрой его как следует.

— Сейчас!

В Бамбуковом дворе воцарилась суматоха, и запах лекарств не выветривался до глубокой ночи.

На следующий вечер из Восточного двора прислали купчие на Цин Хэ и Хунмэй.

Сун Тинчжу вернул их и велел бабушке Лю дать каждому по пятьдесят монет.

— Немного, но на дорогу должно хватить.

Ирония судьбы — будучи вторым молодым господином семьи Сун, он располагал всего лишь сотней монет. Эта половина лян серебра составляла все его сбережения.

Оба отказались, сказав в один голос:

— Господин, мы не можем принять эти деньги!

Цин Хэ положил мешочек обратно на низкий столик:

— Молодому господину не стоит тратиться. Вы и так нам уже много помогли. Мы с Хунмэй за эти годы кое-что накопили — этого хватит, чтобы прожить.

Сун Тинчжу не стал настаивать. В ту же ночь он позвал бабушку Лю и велел ей тайком спрятать медные монеты в их узлы с вещами.

Через три дня, в канун Нового года.

Особняк семьи Сун сиял огнями и был полон оживления.

Но Бамбуковый двор, где жил Сун Тинчжу, оставался таким же тихим, как и прежде.

Снаружи холодная слива была в полном цвету. Сун Тинчжу попросил Хунмэй сорвать ветку и поставить у изголовья.

С наступлением ночи комнату озарил свет свечей. Сун Тинчжу выпил лекарство, прислушался к треску петард за окном и погрузился в глубокий сон.

—

На следующий день, ещё до рассвета, в полной темноте, из задних ворот семьи Сун вынесли небольшой паланкин. Покачиваясь, он покинул городские ворота.

Спустя два часа процессия свернула на грязную дорогу. Носильщики устали, один из них оступись, и паланкин слегка накренился — изнутри донёсся приглушённый удар.

— Эй, осторожнее! Уроните человека — сами же пожалеете!

Полная женщина в яркой одежде с красным цветком в волосах визгливым голосом тихо прикрикнула.

— Эй вы, сзади, не отставайте! Ещё полчаса — и будем на месте.

Она обернулась и помахала рукой тем, кто шёл позади.

— Говорили же, что второго молодого господина семьи Сун не жалуют. Тогда почему приданое такое тяжёлое?

— Всё в ящиках — кто его знает, что внутри? Может, камни.

— Семья Сун богата. Неужели им жалко такой мелочи?

— Ты не знаешь — чем богаче семья, тем больше у них грязных тайн.

— Мы идём уже столько времени, а из паланкина ни звука. Готов поспорить, его чем-то опоили.

— Скорее всего. Я сам видел — утром его безвольно внесли в паланкин слуги.

— Снаружи говорят, что господин Сун великодушен, а госпожа Сун хорошо воспитывает детей. Но теперь похоже, многое преувеличено.

Несколько мужчин, несущих ящики, тихо переговаривались.

Сваху Цзян, обладавшую острым слухом, их разговор не обошел мимо. Она подошла, оперев руки в бока, и громко прикрикнула:

— Осмелились судачить о хозяевах за их спиной? Зарплату получать не хотите?

<http://bllate.org/book/17218/1611190>